

НАТАЛЬЯ БЕРЕЩИНОВА

Последний аккорд тишины

МИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Наталья Берещинова

**Последний аккорд тишины.
Мистическая история**

«Издательские решения»

Берещинова Н.

Последний аккорд тишины. Мистическая история /
Н. Берещинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-682811-7

Получив в наследство рояль знаменитого деда, она думала, это лишь память о прошлом. Пыльный, безмолвный. Но в тишине пустой квартиры раздались звуки... Он заиграл. Незнакомая, но до боли знакомая мелодия стала ключом к тайне, которую дед унес с собой. Готовы ли вы услышать музыку, которая меняет реальность?

ISBN 978-5-00-682811-7

© Берещинова Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1: Наследие Мрака	7
Глава 1: Провал и Весть	7
Глава 2: Переезд Тени	9
Глава 3: Первое Прикосновение	11
Глава 4: Ноты из Ниоткуда	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Последний аккорд тишины Мистическая история

Наталья Берещинова

© Наталья Берещинова, 2025

ISBN 978-5-0068-2811-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Записи из дневника Леонида Воронова. Карпаты, октябрь 1953 г.

«...Дождь стучит по крыше этой проклятой хижины уже третьи сутки. Влажность вьелась в кости, в бумагу, в струны того... инструмента. Мастер Истриук принес его сегодня на рассвете. Завернутое в пропитанную чем-то темным холстину. Говорит, нашли в пещере под раз-

валинами скита. Дерево – черное, как ночь без звезд, холодное, как могильный камень, даже через ткань чувствуется.

«Оно спит, маэстро,» – прошипел Истрюк, его глаза блестели лихорадочно в свете очага. – «Но оно будет петь. О, как оно будет петь! Миры откроются! Но для пробуждения... нужна жизнь. Сильная. Чистая. Отданная добровольно? Ха!» – Его хриплый смех заставил меня содрогнуться. – «Музыка сама возьмет свое. Она всегда берет...»

Я прикоснулся. Сквозь ткань. И почувствовал... вибрацию. Словно далекий гул органа под землей. Или стон. Не знаю. Страх сковал меня ледяными пальцами. Но за этим гулом... Мне слышалась бездна гармоний. Невиданных. Немыслимых. Музыка, ради которой стоило родиться. Стоило ли... умереть?

Записать эти звуки – вот цель. Стать величайшим. Единственным. Но цена... Ее жизнь? Нет. Я не могу. Не могу... Но Музыка... Она зовет из глубины черного дерева. Она шепчет мне во сне...»

(Лист испещрен кляксами и дрожащими штрихами, обрывается)

Часть 1: Наследие Мрака

Глава 1: Провал и Весть

Каждый удар молоточка по струне маленького синтезатора отзывался тупой болью в висках. Пинг. Понг. Динь. Не музыка, а карикатура. Веселый, натужно-бодрый мотивчик для рекламы детских витаминов. «Солнечные зайчики радости!» – требовал заказчик. Алиса Воронова чувствовала себя не композитором, а конвейером по производству акустического мусора.

Ее пальцы, когда-то летавшие по клавишам рояля с легкостью и силой, теперь неуклюже тыкали в пластиковые кнопки. Вспышка – сцена конкурса имени Рахманинова год назад. Ослепительные софиты. Гробовая тишина зала. И... ничего. Пустота. Пальцы одеревенели, ноты поплыли перед глазами, сердце колотилось, как птица в клетке. Провал. Позор. Шепотки за кулисами: «Воронова? Талантливая, но... слабые нервишки. Девушкам тяжело в большом искусстве». Слова деда, сказанные ей в шестнадцать, когда она осмелилась сыграть ему Шопена: «Чувствительность – удел дилетантов, Алиска. Музыка требует стали. А у тебя... бабья душа».

«Алиса? Ты закончила?» – Голос продюсера Максима в наушниках вернул ее в серую реальность студии звукозаписи. «Довести до ума минусовку к утру, ладно? Клиент нервничает.»

«Да, Макс. Утро.» – Голос звучал чужим, плоским. Она выдернула штекер наушников. Тот самый провал оставил не только шрамы на репутации, но и глубокий, подспудный страх. Страх перед сценой, перед публикой, перед самой музыкой. Она превратилась в призрак, бродящий по задворкам индустрии.

Выйдя на промозглый осенний воздух, Алиса сунула руки в карманы пальто. Дождь моросил, превращая тротуар в черное зеркало. Телефон завибрировал. Незнакомый номер.

«Алиса Леонидовна Воронова? Говорит Смирнов, представитель нотариальной конторы „Легат“. Соболезную. Ваш дед, Леонид Петрович Воронов, скончался три дня назад...»

Соболезнования звучали как формальность. Алиса замерла. Дед. Грозный, неприступный, давно ставший для нее лишь источником болезненных воспоминаний и комплексов. Они не виделись года три. Последний разговор – ее попытка попросить денег на лечение после провала. Он отказал. Холодно. «Разбирайся сама. Или бросай музыку. Тебе все равно не дано.»

«...Согласно завещанию, господин Воронов оставил вам... один предмет.» В голосе нотариуса прозвучало легкое недоумение. «Антикварное пианино. Марки... „Эол“. Оно находится в его доме на Сосновой, 17. Остальное имущество, включая сам особняк и финансовые активы, передается в Фонд поддержки молодых музыкантов-мужчин.»

Алиса прислонилась к мокрой стене. Пианино. Только пианино. И этот последний, унижительный укол – Фонд для мужчин. Даже после смерти он нашел способ напомнить о ее «неполноценности». Горькая волна горечи и обиды подкатила к горлу. Но под ней – странное, едва уловимое щемящее чувство.

То самое пианино... Огромное, черное, всегда стоявшее в запертой студии на втором этаже особняка. Детское воспоминание: она случайно заглянула туда. Дед застал, отругал так, что она заплакала. «Не смей даже смотреть на него, девочка! Не твоего ума дело!»

Почему он оставил его ей?

Глава 2: Переезд Тени

Особняк на Сосновой, 17, напоминал спящего каменного зверя. Запущенный сад, облупившаяся штукатурка, забитые ставни. Риелтор, нервно жующий жвачку, впустил Алису. Воздух внутри был спертый, пропахший пылью, тлением и... чем-то еще. Старыми книгами? Лада-ном?

«Студия там, наверху,» – буркнул риелтор, не поднимаясь по лестнице. – «Ключ у вас. Я... подожду здесь.» В его глазах мелькнул неподдельный страх.

Лестница скрипела под ногами. Длинный темный коридор. Дверь в студию была массивной, дубовой, с тяжелым замком. Ключ повернулся с глухим щелчком. Алиса толкнула дверь.

Комната была огромной и почти пустой. Пыль висела в лучах света, пробивавшихся сквозь щели в ставнях. И посреди этого запустения стояло Оно. Пианино «Эол».

Оно было больше обычного рояля. Корпус – из древесины такого глубокого черного цвета, что казалось, он поглощает свет. Резные ножки, изогнутые, словно когти. Крышка была закрыта. На пюпитре – ни нот, ни пыли. Чистота, контрастирующая с комнатой. От него веяло холодом. Не просто сыростью старого дома, а пронизывающим, костным холодом. Алиса невольно потерла руки.

Найти грузчиков оказалось сложно. Двое здоровенных парней из первой же конторы, войдя в особняк, побледнели.

«Брат, тут нечисто что-то,» – прошептал один, крестясь. – «В ушах звенит. И шепчут... как будто за спиной.»

Они согласились только за тройную цену. Снять пианино с ножек и сдвинуть с места было невероятно тяжело. Металлические ручки тележки гнулись.

«Чертово дерево! Тянет в пол, будто свинцом налито!» – кряхтел старший, капли пота стекали по его виску. Когда они наклонили инструмент, чтобы подвести тележку, из-под крышки донесся тихий, протяжный, жалобный звук – будто тронули одну струну. Грузчики вздрогнули как один.

«Все! Несите свои деньги! Вывозите сами!» – почти закричал младший, бросая ручки тележки. Они выбежали из особняка, не оглядываясь.

Пришлось искать других. Более прагматичных и глухих к «шепотам». Двое угрюмых мужчин молча возились полдня, ругаясь на вес. Перевозка в крохотную квартиру Алисы стала кошмаром. Пианино едва втиснули в дверной проем, содрав косяк. Оно заняло почти половину гостиной, превратив уютное пространство в клаустрофобичную камеру. Воздух сразу стал тяжелее, холоднее. Появился едва уловимый запах – старых церковных книг и влажной земли.

Грузчики ушли, явно довольные, что расстались с грузом. Алиса осталась одна перед черным гигантом. Тишина в квартире стала гулкой, напряженной. Пианино не просто стояло.

Оно наблюдало. Холодный пот выступил у нее на спине. Она поймала себя на мысли: Чего он от меня хочет?

Глава 3: Первое Прикосновение

Прошло три дня. Алиса обходила «Эол» стороной. Его присутствие давило. По ночам ей снились кошмары: она тонула в черной, ледяной воде, а из глубины доносились диссонирующие аккорды. Просыпалась с учащенным сердцебиением и ощущением, что в комнате кто-то есть. Однажды ночью ей показалось, что крышка пианино чуть приподнялась. Она включила свет – все было на месте. Но холод усиливался.

Она не могла играть. Даже на своем старом цифровом пианино. Пальцы немели при мысли о клавишах. Провал на сцене был как открытая рана, а этот черный монстр напоминал о деде, о его презрении, о ее собственной несостоятельности.

Но что-то тянуло ее. Любопытство? Вызов? Или тот самый шепот, о котором говорили грузчики? Он был почти слышен в тишине квартиры – едва уловимый гул, вибрация в костях, а не в ушах.

На четвертый день, вернувшись с еще одной унижительной сессии записи рекламного джингла, Алиса не выдержала. Она подошла к «Эолу». Холод исходил от него волнами. Она медленно подняла тяжелую крышку. Ряды слоновой кости клавиш казались идеально белыми на фоне черного дерева. Безупречными. Завораживающими.

Страх сдавил горло. Она вспомнила ослепляющий свет софитов, немеющие пальцы, шепот зала. Не смей. У тебя не получится. Ты слабая. Девчонка. Голос деда звучал в голове ясно.

Нет, – подумала она с внезапной яростью. – Это МОЕ. Он оставил его МНЕ. Даже если это насмешка.

Алиса глубоко вдохнула. Запах старого дерева и ладана ударил в нос. Она протянула дрожащую руку. Кончики пальцев коснулись холодной слоновой кости.

И... ничего страшного не произошло. Ни удара током, ни криков. Только холод.

Она опустилась на табурет. Выбрала случайную клавишу. «До» второй октавы.

Звук, который родился под ее пальцем, был не похож ни на что, что она слышала раньше. Он не просто прозвучал – он завибрировал. Глубокий, бархатистый, бесконечно сложный обертонами гул, наполнивший комнату и проникший куда-то глубоко внутрь, в грудную клетку, в позвоночник. Он не затихал долго, витая в воздухе, как физическая субстанция.

Алиса замерла. Страх... отступил. Словно его смыло этой одной нотой. Осталось только изумление и... жадное любопытство. Она коснулась другой клавиши. «Ми». Звук был чистым, как горный родник, но с той же невероятной глубиной и вибрацией. И еще – с оттенком безысходной грусти.

Пальцы сами потянулись дальше. Не гаммы. Не упражнения. Что-то другое. Незнакомое. Мелодия начала рождаться сама собой. Тягучая, минорная, полная тоски и невероятной, почти болезненной красоты. Алиса не думала о нотах, о технике. Она просто отпустила руки.

Пальцы летали по клавишам с такой скоростью и точностью, на которую она была не способна даже в лучшие времена. Сложные пассажи, диссонирующие аккорды, разрешающиеся в пронзительные гармонии – все лилось легко, как дыхание. Это была музыка тьмы и звезд, потерянности и странной надежды. Музыка, которую она чувствовала каждой клеткой, но никогда не слышала и не играла.

Она играла, забыв о времени, о провале, о деде. Она играла, и чувствовала, как что-то замерзшее внутри оттаивает, наполняется силой. Творческий блок, мучивший ее год, рухнул как карточный домик. Восторг, чистый и всепоглощающий, захлестнул ее. Она была каналом. Инструментом для этой неземной музыки.

Игра становилась все интенсивнее, мощнее. Алиса вскинула голову, глаза закрыты, пальцы впивались в клавиши. Она была на вершине. Царицей звука.

И тут... в углу комнаты, из сгустившейся тени, что-то шевельнулось. Мелькнул белый лоскут. Как кружевной манжет.

Алиса резко открыла глаза. Музыка оборвалась на диссонансе. Она оглянулась. В углу было пусто. Но ощущение присутствия, чужого, печального взгляда, прилипло к коже. Восторг сменился ледяной волной тоски, опустошения, как после тяжелой болезни. Она задрожала. Силы покинули ее. Она уронила голову на холодные черные клавиши.

Тишина снова воцарилась в комнате. Но теперь она была тяжелой, гнетущей, полной невысказанного вопроса. Алиса подняла глаза. На пюпитре пианино, где раньше ничего не было, теперь лежал пожелтевший лист нотной бумаги. Знакомый, острый почерк деда. Вверху – название: «Плач Запертой Тени». И дата – за год до рождения ее отца.

Откуда он взялся? Она не слышала шагов, шороха бумаги...

Холод от клавиш проник глубоко внутрь. Алиса поняла: это было только начало. Пианино «Эол» проснулось. И оно было голодно.

Глава 4: Ноты из Ниоткуда

Утро после первой игры встретило Алису свинцовой усталостью. Казалось, она не спала, а таскала мешки с цементом. Каждый мускул ныл, в костях – глубокая, промозглая ломота. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь шторы, резал глаза. Но хуже всего была внутренняя пустота. Тот восторг, та мощь, что наполняли ее вчера у пианино, испарились без следа, оставив после себя лишь выжженную пустыню. И странную, необъяснимую грусть, оседающую на душе тяжелым камнем.

Она доползла до кухни, поставила чайник. Руки дрожали. Взгляд невольно тянулся в гостиную, к черному гиганту. На пюпитре все так же лежал тот злополучный лист нот – «Плач Запертой Тени».

Желтая бумага, острые, как когти, нотные знаки почерка деда. Откуда? Она вчера не подкладывала его. Не было времени, да и желания прикоснуться к этой бумаге не возникало.

Алиса подошла к «Эолу», осторожно, как к спящему хищнику. Она взяла лист. Бумага была холодной, сухой. Дата – за год до рождения отца. Значит, дед написал это, когда был молодым? Мелодия была сложной, виртуозной, пронизанной той же леденящей красотой, что звучала вчера из-под ее пальцев. Как он мог знать? Как *она* могла сыграть это, не зная нот? Мурашки пробежали по спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.